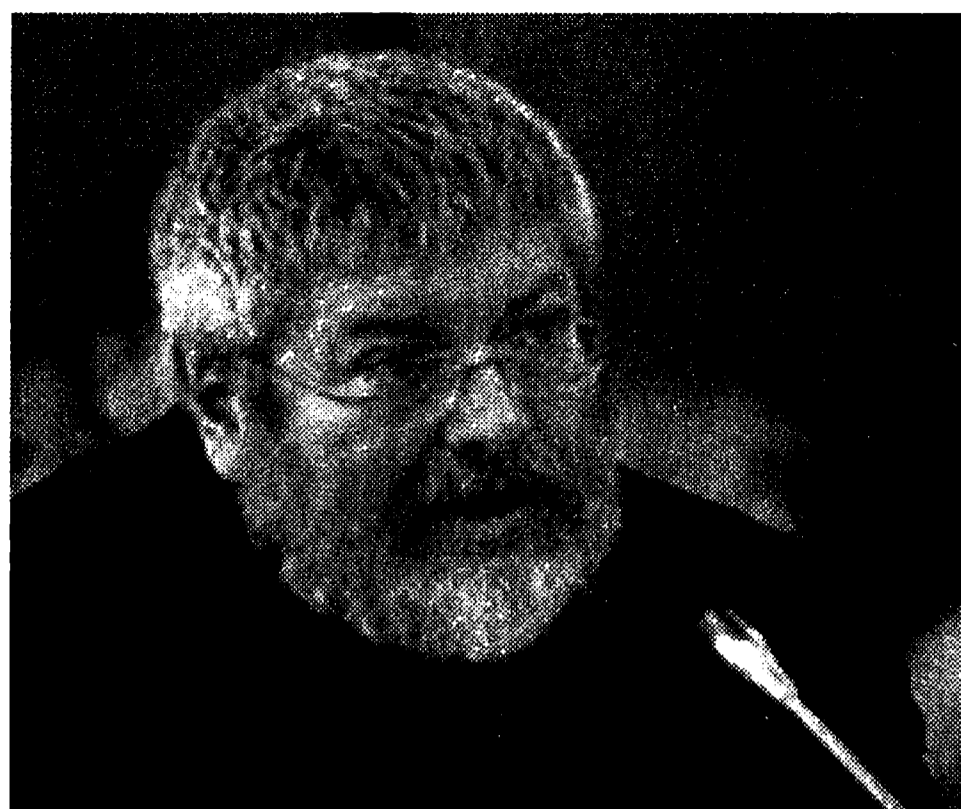

ГЕЗА СЁЧ

[222]

ил 8/2014

Распутин: миссия

Пьеса

Перевод с венгерского Юрия Гусева

Время действия: 1914 год, вторая половина июля и начало августа.

Главные действующие лица

Г. Е. РАСПУТИН, 45 лет

НИКОЛАЙ II, хозяин земли русской, 46 лет

ГЕОРГ V, король Великобритании, 49 лет

ВИЛЬГЕЛЬМ II, император Германии, 55 лет

ФРАНЦ ИОСИФ I, император Австрии и король Венгрии,
84 года

Действующие лица второго плана

СТЕПА, 25 лет

МАДАМ, 60 лет

ЛУЛУ, 16–17 лет

ГАВРИЛО ПРИНЦИП, 20 лет

ЛАКЕЙ в доме Клемансо

ОФИЦИАНТ в парижском кафе

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

© Szócs Géza, 2014

© Юрий Гусев. Перевод, 2014

Редакция выражает благодарность автору за любезное разрешение безвозмездно опубликовать его пьесу на страницах журнала.

О Распутине. В этой пьесе он не столько авантюрист, сколько много страдавший, лишь недавно чудом спасшийся от смерти, испытывавший глубокое душевное потрясение человек. Руки и ноги у него как будто вывернуты; иногда и его походка делается неестественной, он словно “утюжит” ступнями пол под собой.

[223]

ИЛ 8/2014

Николай II и Георг V поразительно похожи друг на друга — настолько, что их вполне может играть один актер. При всем том царь, конечно, скорее чеховский тип; король же — утонченно циничен и тяготеет к сплину.

О Вильгельме II нелегко сказать, понятно ли ему, что он — словно карикатура на самого себя или просто паяц; будь ему это понятно, тогда и нам, пожалуй, яснее стало бы, что им движет: то ли комплекс неполноценности, то ли навязчивая потребность прыгнуть выше собственного носа. Но не исключено, что он просто таков, каков он есть.

I.

Распутин и царь Николай.

Дворцовый сад. Николай возится с цветами, в руках у него большие садовые ножницы. Вокруг — цветы, садовые инструменты, цветочные горшки. Временами по сцене, в кустах на заднем плане, пробегают, гоняясь друг за другом, маленький цесаревич и девочки — великие княжны.

Р. ...это важнее всего, о чем мы когда-либо с вами разговаривали.

Н. Слушаю, Распутин. О чем речь?

Р. О войне, Ваше Величество.

Н. Не хочешь ли ты сказать, что об этом мы ни разу не говорили с тобой?

Р. Нет, Ваше Величество, не хочу.

Н. То есть ты не утверждаешь, что мы никогда с тобой эту тему не обсуждали?

Р. Нет.

Н. И что ты никогда не уговаривал меня предпочесть трусливый мир мужественной и стойкой позиции? Не уговаривал бросить друзей в беде? Не уговаривал нарушить клятву чести и верности? Не уговаривал, чтобы я...

Р. Ваше Величество, сегодня ночью ко мне явился Архангел. Он показал мне, что случится в эти сто лет, если мы начнем войну.

Н. Что случится? С кем?

Мимо, прямо по клумбе, пробегает одна из великих княжон.

Н. Анастасия, смотри под ноги!

Р. С англичанами, с французами, с австрийцами, с немцами — в общем, со всеми, и с нами тоже. Вот что дано мне было увидеть минувшей ночью. И что случится с итальянцами, турками, немцами...

Н. С немцами? Говори же скорее, с ними-то что случится?

Р. Войну они проиграют...

Н. Хе-хе. Это прекрасно, это просто замечательно. Вижу, незря ты с Архангелом встречался. А Вилли? Его что ждет?

Р. Его Императорское Величество отречется от трона и умрет в изгнании. С ним династии Гогенцоллернов... по крайней мере, на это столетие... придет полный кирдык.

Н. Кирдык? Хе-хе-хе. Это хорошо. Это очень хорошо. (*С воодушевлением щелкает ножницами.*) Ну а про старого идиота что скажешь? Его что ждет?

Р. Вы изволите иметь в виду Его Величество Франца Иосифа I, императора австрийского и короля венгерского?

Н. Кого же еще?

Р. Он не доживет до конца войны. Только первые два года...

Н. Первые два? И всё?

Р. Да. К счастью для него. Он не увидит, как развалится его империя и уйдет с арены его династия.

Н. Нет, скажу я тебе, совсем не дурак этот твой Архангел. (*Берет лейку, поливает клумбу.*) А что англичане?

Р. Войну они выиграют, да и следующую тоже. Но колоний у них останется с гулькин нос. Я бы даже сказал, ни одной не останется. А в Лондоне через сто лет, если я хорошо рассмотрел, цветных будет больше, чем англичан.

Н. Слушай, Распутин: ты мне прекрасные новости принес. Хорошо, что зашел ко мне. А теперь иди.

Р. Ваше Величество, а судьба России, судьба Романовых — вас не интересует?

Н. Нет.

Р. Как так?

Н. Она сложится наилучшим образом.

Р. Наилучшим образом?

Н. Ну да. Если наши решения будут самыми мудрыми, то все наилучшим образом и пойдет.

Р. Ммм...

Н. Разве ж не так?

Р. Бывают случаи, Николай Александрович, когда и самые мудрые решения, если Бог так захочет, ведут к роковым последствиям.

Н. Может быть, Распутин. Но мы Божьей воле не станем перечить. Потому что не можем и не хотим. Понял? А те-

перь ступай. У меня разговор с военным министром.
Пока, Распутин.

Р. Но, Ваше Величество...

Н. Ступай!

Р. Ваше Величество, еще не поздно. У нас еще есть неделя-другая, чтобы избежать рока. Чтобы смягчить последствия...

Н. Я думал, Распутин, ты умнее. Рок — это такая штука, что его не перехитришь. Его не обманешь, не смягчишь, от него не увернешься. Если рок можно обмануть, это не рок.

Р. Ваше Величество, вам достаточно отменить одно-единственное решение!..

Н. Я своих решений не отменяю.

Р. Мне известно, как вы умрете.

Н. Все мы умрем рано или поздно. А как и когда, нам знать не положено.

Р. Вы не хотите узнать, что... Что в Екате... Что в Ипать..

Н. Не хочу. Хватит мне и того, что я знаю.

Р. Не могу поверить.

Н. Ну ладно, чтобы тебя не так уж огорчать... и чтобы ты не говорил, что я ничего не сделал... Так и быть, pošлю Вилли последнюю телеграмму: может, он одумается?

Р. Это хорошо. Но не достаточно.

Н. И вот еще что, Распутин. Не вздумай всякой мистической чепухой забивать голову моей жене и сыну.

Р. О, а что касается императрицы и царевича...

Н. Ни слова больше, Распутин! До свиданья.

Крик совы.

Р. Храни вас Бог, ваше величество, хозяин земли русской...

Н. Постой-ка... Скажи... ты не знаешь, чего это моя жена нынче везде свастику рисует?

Р. Свастика — древний символ, он...

Н. Да, да, я знаю. Но что это на нее нашло? Зачем импери... эмпири... императрице — какая-то свастика?

Р. Николай Александрович, это пусть остается ее тайной. В начавшемся столетии свастика будет иметь мрачный, роковой смысл. Например, у немцев...

Н. Все, Распутин! Теперь иди с Богом.

II.

РАСПУТИН И АРХАНГЕЛ.

Архангел является Распутину в зеркале.

Р. Как не знать, твое небесное высочество! Знаю: часы тикают. Да. На то они и часы. Ты показал мне будущее, и кому, как не мне, знать: время уходит... Время уходит-уходит-уходит...

Господи Боже мой, вижу темные воды, воду... и там плывет крейсер "Аврора"... чтоб он утонул!..

Знаю, время уходит... Время, которое ты мне дал, чтобы я изменил самое темное столетие в истории человечества. Чтобы направил историю по прямой. Чтобы остановил поезд, летящий под откос, и направил его в другую сторону... У меня всего лишь несколько дней, чтобы перевести стрелки... да что несколько: всего один или два дня, чтобы направить эшелон двадцатого века на другой путь, и если не успею, то... то все псу под хвост.

Время тает, и я это знаю лучше всех.

Но... прошу тебя, дай мне еще пару дней, прошу, умоляю! Еще пару дней, еще два денечка, please, и сотни миллионов людей будут повторять твое имя в благодарственной молитве: ты спасешь эти сотни миллионов, избавишь от того, что им уготовил двадцатый век. Особенно первая половина...

Да, понимаю.

Они ведь понятия не будут иметь о том, чего избежали. За что тогда они станут благодарить тебя?

Кто может благодарить за то, что не сгорел в атомном взрыве? Только тот, кто знает, что такое атомная бомба, и кто знает, что тридцать один год спустя ее сбросят ему на голову. Но нынче ночью народ Хиросимы еще сладко спит... перевернется на другой бок и спит себе дальше, понятия не имея, что ждет его через тридцать один год, ну, и еще две недели... Не могут они знать этого, факт. Не знают, не могут знать — за что же тогда им быть благодарными?..

Ну ладно... Но ведь даже в незнании этом, уже в том, что знаем лишь мы с тобой, знаем, как им удалось избежать гибели и страданий, — а удалось им благодаря нам двоим, тебе и мне, — уже в этом... ведь если взглянуть с этой стороны, то любое их движение, пусть хоть всего лишь с боку на бок повернутся во сне, — любое движение их, даже просто дыхание, — это наше с тобой торжество, и сам мир, который избавлен будет от того, что его ждет, есть не что иное, как Осанна тебе, вам, всем, кто там, на небесах. Каждое любовное объятие каждого, кто мог умереть, но не умер, каждый ребенок и каждый его ребенок до не знаю какого поколения — все это вместе бу-

дет коллективным благодарственным гимном, благодарением за жизнь как за щедрый подарок, даже если люди об этом подарке и не подозревают... Благодарность от всех, кого Гаврило Принцип приговорил к смерти и кто будет — через мое посредничество — Тобою помилован. Разве не так?

Да, благодарственная песня, Осанна миллионов людей, которые, пускай они этого не сознают, но самим своим бытием, самим фактом, что они живы, возносят хвалу Господу, а вместе с Ним — таким благодетельным и всемогущим сущностям, каков есть Ты, Пресветлый Архангел...

Еще две недели? Ты мне даешь две недели, чтобы, к вящей славе Твоей, я спас от гибели сотни миллионов людей... От окопов, от проволочных заграждений, от тюрем, от испанки, от голодной смерти, от горчичного газа и газовых камер, от штыков и от атомной бомбы... *(Говорит вполголоса, скорее уже самому себе.)* Скажем, в Освенциме — разве там не нужно будет возвести монумент благодарности?.. Я имею в виду, чтоб евреи... Благодарности за то, что само это слово, Освенцим, не осталось в истории устрашающим символом ужаса и смерти... чтобы Освенцим не стал, несмотря ни на что, тем, чем станет... а остался бы названием маленькой мирной деревни... остался... мог бы остаться?.. как тут сказать?.. в общем, названием мало кому известной деревни, каких тысячи, десятки тысяч... словом, названием деревни, а не названием ужаса... Надо, пожалуй, сказать об этом Теодору Герцлю... Обязательно скажу... Пускай начинает собирать деньги на монумент...

III.

Распутин и император Вильгельм.

Императорский дворец. Поздний вечер. Помещение, в котором мы находимся, представляет собой нечто среднее между кабинетом и спортивным залом: письменный стол, гири, шведская стенка, гимнастический козел, рапиры, боксерская груша, тренажерный велосипед, с потолка свисают кольца и т. д. Во время беседы Вильгельм время от времени подходит к снарядам и выполняет какие-то упражнения; порой приглашает и гостя.

В. ...так ты, Распутин, говоришь, тебя не царь ко мне послал?
Р. Нет, Ваше Величество. Меня к вам послал некто более могущественный, чем царь.

В. Более могущественный?

Р. Да, Ваше Величество. Я отправился в путь по велению небесных сил, чтобы предотвратить роковое развитие событий. У нас есть еще (*вынимает карманные часы*) сто шестьдесят восемь с половиной часов, чтобы избежать самого страшного.

В. Времени у нас маловато, Распутин. Я как раз сочиняю марш.

Р. Марш? Какой марш?

В. Победный.

Р. Ваше Величество, марш вам не понадобится.

В. Как? На ухо я туговат... Решительность! Решительность! О чем мы говорили-то? Ага. Под этот марш наши солдаты вступят в Париж, в Белград, в Лондон и, уж извини, в Санкт-Петербург. И, конечно, в Москву. Сила! Энергия! Послушай-ка! Па-памм-па-памм, памм, папам. Ты в музыке разбираешься?

Р. Не очень.

В. Жаль. (*Молчание.*) Ты чего пришел-то?

Р. Чтобы отговорить Ваше Величество вступать в войну...

В. Ты сказал: отговорить?.. О, этот Ники, такой хитрец! Узнаю, узнаю его! Струсил немножко, да?.. Немножечко перепугался, бедняжка, душа в пятки ушла, потому что увидел, с кем дело имеет, верно ведь? Обосрался наш мальчик... И теперь посылает ко мне свое доверенное лицо, чтобы отговорить меня воевать. Воевать и побеждать. Меня! Хитер, ничего не могу сказать. Это — да! Хитер! Хитеооор!..

Р. Ваше Величество, на сей раз речь не о том.

В. Хочешь гирию поднять?

Р. Спасибо, сейчас не хочу.

В. Конечно, я его просьбу выполню. Но только если он выполнит условия, которые поставлю я... Тогда — пожалуйста, за мной не заржавеет. Тогда — да, войны не будет. Но условия я поставлю не какие-нибудь. Хочешь услышать какие? Или передать их через нашего посла? Выбирай.

Р. Ваше Величество, вашей империи угрожает большая опасность. Если война начнется, все ваши подданные будут обречены на непомерные страдания. Кстати, то же самое относится и к Российской империи.

В. Уж это точно, насчет этого я уверен. Знаешь, что такое моя армия? Бронированный кулак. К началу осени мы будем в Петербурге, к зиме — в Москве. Прамм папамм, прамм, прамм...

- Р.** Война продлится четыре года с лишним...
- В.** Ха-ха-ха. Четыре года! Это здорово.
- Р.** ...и не в том главная беда, что Германия потерпит поражение. Это еще пустяки. Но вот новый вождь новой германской империи...
- В.** Что-что? Мать твою... Что за вождь? Кто такой? Распутин, заклинаю тебя, скажи немедленно, что за подлая семейка зарится на мою корону? Нет, я просто не могу в это поверить! (*Терзаясь.*) Нет, нет, не может быть! Но если в самом деле есть на немецкой земле такая низкая тварь... Скажи, речь идет о баварских герцогах?
- Р.** Нет. В конце войны вспыхнет восстание, и Виттельсбахам тоже придется бежать.
- В.** Куда?
- Р.** Куда? Ну, в Венгрию.
- В.** Хе-хе... Тогда, может, ганноверский дом? Или кто-нибудь из курфюрстов затеял меня спихнуть с трона? Может, гессенский?
- Р.** Новый вождь происхождения будет неясного и из низких слоев. Он поднимется высоко — и рухнет оттуда с грохотом...
- В.** Ну, я же говорю...
- Р.** ...и обугленные руины Германии погребут его под собой.
- В.** Эй, хватит тут мне фантазировать! Хватит меня пугать, я не из пугливых. Сила, энергия! Прамм па-памм, прамм па-пам. Не успеет опасть листва, как мои солдаты вернутся домой с победой.
- Р.** Никто никуда не вернется, тем более с победой. Ваше Величество отречется от трона...
- В.** Кто? Я?! Распутин, ты с ума сошел?
- Р.** ...потому что после проигранной Первой мировой войны...
- В.** После Первой?
- Р.** Ну да, после Первой.
- В.** Должен сказать, Распутин: меня сверх всякой меры раздражает твое дурацкое, поганое, старушечье кликушество.
- Р.** При чем тут кликушество? Я говорю лишь то, что произойдет. Если начнется война. Только в этом случае. Да, и я ведь даже еще не упомянул Восточную Германию?
- В.** Восточную... Германию
- Р.** Ну да, Германскую Демократическую Республику. Гэ-Дэ-эр.
- В.** Распутин, какой в твоей жизни был самый неприятный случай?
- Р.** А что?
- В.** Боюсь, тебя ждет кое-что еще более неприятное. Причем очень скоро.

Р. Знаете, Ваше Величество... Если вы серьезно спросили...

В. Само собой. Ну?

Р. (*задумавшись*). Был у меня закадычный друг, Степа.

В. Понятно. Степа.

Р. Он тюменский был. Такой, знаете, здоровенный, немного неуклюжий, чисто медведь. Мы, тобольские, в общем-то всегда немного посмеивались над тюменскими... Вы, Ваше Величество, должно быть, меня понимаете, да?

В. Ну... да.

Р. Но этот, Степа-то, неплохой парень был.

В. Степа...

Р. Ну да, Степа. В общем, жениться Степа собрался. Долго он за своей невестой ухаживал, долго в женихах ходил, уж задумываться начал, потому как свадьбу все откладывали и откладывали... Отец невесты, Прохор Лукич его звали, генерал в отставке был и помещик у нас, в Тобольской губернии. Вы знаете, где Пермская губерния, Ваше Величество?

В. М-м-м... Давай дальше.

Р. В общем, день свадьбы назначили наконец. Гости съезжаются издалека, кто откуда. Я тоже, конечно, зван, еду на санях. И у Святодмитриевского брода кого, вы думаете, встречаю? А, Ваше Величество, кого?

В. Ну, говори.

Р. Ни в жизнь не угадаете...

В. Самого генерала?

Р. Нет.

В. А кого тогда?

Р. Да друга моего, Степу.

В. Как так?

Р. Вот в этом-то вся штука... Не догадались еще, Ваше Величество?

В. Может, и догадался... Но ты лучше скажи.

Р. Я как увидел его, так рот разинул: Степа, куда это ты? Все к тебе едут, а ты в противоположную сторону... Куда тебя несет, милый мой? Он отвечает: все сейчас объясню, только... дай слово, что сделаешь мне одно дело. Я, дурак, ему: да я! Да для тебя! По рукам? По рукам. Еще и магарыч он мне поставил.

В. Это... так в Сибири положено?

Р. Ну да... Ага, чуть не забыл: я же Вашему Величеству бутылку сибирской водки привез... Вот она, держите.

В. Ого! Ой, да зачем ты... Выглядит аппетитно... Это прямо из Байкала?

Р. Ну, скажем так, почти оттуда...

- В.** Ага... Словом, сидите вы со Степой вдвоем, на постоялом дворе, где-то в Тобольской губернии, водку хлещете...
- Р.** Все так. И Степа рассказывает мне свою страшную тайну. А тайна в том, что решил он все-таки не жениться на Марьюшке. Услыхал я это — и чуть с лавки не свалился.
- В.** Ну, а дальше?
- Р.** Да разве это мужик, если на такое способен?
- В.** Он хотя бы прощения у тебя попросил, что ты столько сотен верст проехал, а теперь должен возвращаться?
- Р.** Да где возвращаться! Об этом-то и речь.
- В.** Ага... Он ведь тебя попросил что-то сделать.
- Р.** Вот-вот. Тут он и сказал, что ему от меня надо... Ты, говорит, Гриша, поезжай туда, на свадьбу, да скажи Марьюшке, что свадьбы не будет... Я ему: ты что, шутишь? А он: какие там шутки! Скажи, что не насовсем отменяется свадьба, но теперь ее не будет. Как-нибудь в другой раз. Вот об этом, говорит, я тебя и прошу, дружище...
- В.** Так... И что?
- Р.** И все. Пришлось мне везти невесте и всем гостям весть, что свадьбы не будет.
- В.** Н-даа... Не завидую я тебе, Распутин.
- Р.** Еще бы!
- В.** Интересно, а что было дальше? Значит, приехал ты туда...
- Р.** Встретили меня как самого дорогого гостя. Все же знали, что я Степе лучший друг. Сколько шума было, сколько радости! Все со мной чокаются, обнимаются, шутки шутят, глаза у всех горят, язык у всех заплетается, морды красные...
- В.** Ну, а ты?
- Р.** Я не знал, куда глаза спрятать.
- В.** А новость-то ты им сообщил?
- Р.** Я же пообещал. Куда ж деваться-то?
- В.** И — что?
- Р.** Этого словами не опишешь. Когда выяснилось, о чем речь... Нет у меня слов... Если я скажу, что со стыда сгорал, — то я ничего не скажу. Это... это... страшно было.
- В.** Вот уж не думал, что с тобой такое бывает. Глядя на тебя, представить трудно.
- Р.** Трудно, но я сейчас в такую же историю попал.
- В.** А теперь кто хочет свадьбу отменить?
- Р.** Свадьбу, не свадьбу... Суть в том, что опять я принес важную весть. Да не кому-нибудь, а властителям мира. Весть о том, что можно спасти человечество от стольких страданий и бед, сколько не было еще за всю историю. Вот какую весть должен я передать. Но те, для кого эта весть

предназначена, вовсе не рады ей. Другое хотят они услышать: каждый — свою маленькую, но радостную весть о том, какие несчастья обрушатся на его соседа.

В. Ух, как ты здорово говоришь, Распутин! Аж мурашки по спине...

Р. Ваше Величество, ради всего святого, ради Господа нашего прошу...

В. Какого еще Господа, Распутин? Я это только тебе говорю, народу это знать ни к чему, но Господу нашему давно уже капец. Нету его, был да весь вышел, откинул копыта, сыграл в ящик, отдал концы. Это еще Ницше сказал.

Р. (*крестится*). Господи Иисусе, а я об этом не слыхал еще... Ни сном ни духом не ведал... Пресвятая Дева Мария, прости нам такие поганые речи... Кто такой этот Ниче?

В. А, неважно.

Р. Ваше Величество, неужто это такое уж имеет значение для Германии: поставить Сербию на колени?

В. Чушь городишь, Распутин. Всем известно, что Сербия тут — последняя спица в колеснице, она — только повод в этой истории, в смысле в войне, в которую мы вступаем.

Р. Вступаем? Это уже решено?

Вильгельм молчит.

Ваше Величество, у нас есть еще неделя. Сто шестьдесят восемь часов...

Снаружи доносится крик совы.

В. Ладно, пошлю еще одну, последнюю, телеграмму Ники.

Р. Это хорошо. Но этого недостаточно.

В. Что касается нас, то мы действительно искренне, всем сердцем, всей душой хотим...

Р. Мира?

В. ...всем сердцем и всей душой хотим войны. Но если тебе удастся убедить остальных... если все остальные выберут мир... то как же мы сможем воевать в одиночку? Подумай об этом. А теперь ступай. Нам пора объявлять мобилизацию. Ники — привет.

IV.

Распутин покупает себе любовницу.

Место действия: элегантный парижский бордель тех лет.

Р. Мадам, я думаю, вот эту мадемуазель, этот бутончик, этот свежий цветочек я готов купить.

М. (*огромная бабища, вся в макияже*). О, я уж заметила, как ты на нее косишься. Свежий товар. Только что из Италии.

Р. Так почему?

М. Не продается.

Р. То есть как это не продается, радость моя, голубушка? Я на свете еще не встречал такого, чего бы нельзя было купить.

М. Вижу, Григорий Ефимович, сильно у тебя аппетит разыгрался отведать этот бутончик... Эту дивную, чистую, нетронутую розочку. Так сколько ты предлагаешь?

Р. Нетронутую?

Л. Это про меня?

М. (*испугавшись, что немного перестаралась*). Это – фигурально выражаясь... Главное, конечно, что она очень утонченная, все умеет, хотя и всего лишь в теории. Весьма опытный кадр, но, так сказать, виртуально. А реально – вообще девственница.

Л. Это вы про меня, мадам?

Р. Ну-ка, глянем, что у нас тут? Оп-ля! Да это же кошелек, с настоящими золотыми рублями! Теперь сделка состоится, голубушка?

М. (*глазам своим не веря. Ошеломленно*). Ой, какие деньги! И не жалко тебе, Гриша?

Р. Но вы же посмотрите на это милое, веселое создание, на этот бутончик! Эта маленькая *piccola bimba*, эта Лулу мне сейчас нужнее всего, мадам. Очень нужно мне немного веселья, веселья и еще раз (*у него прорываются рыдания*) веселья...

М. А я намеренно читала в газете, тебя кто-то смертельно ранил. Рада видеть, что это неправда.

Р. Это – правда.

М. Смертельно?

Р. Смертельно.

М. Так ты, может, покойник?

Р. Знаете... когда этот чокнутый офицеришка воткнул в меня нож, будто в свинью... тогда я в самом деле получил смертельную рану. Не верите, да? Казанской Божьей Матерью клянусь: смертельную.

Л. А у нас тот, кто получил смертельную рану, через две недели не покупает любовниц, а лежит себе спокойно в могиле.

Р. Я тогда тоже расстался на полчаса с земной жизнью, расстался с вами, людьми... Но неисповедима воля Господня... Послал он ко мне Архангела своего...

Л. Прямо с небес?

Р. Архангела-то? С небес, конечно. И тот, показав мне будущее, возложил на меня важную миссию... Очень, очень, очень важную. И был я воскрешен, и получил жизнь обратно... собственно говоря, на время...

Л. До следующего покушения?

Р. Боюсь, тут ты, наверно, права. Но надеюсь, до тех пор мы еще съедим вместе не один пуд соли.

Л. Как это? Прямо так и съедим?

Р. Ну, слижем.

Л. А что это — пуд?

Р. Русские дамы лижут соль в пудоарах. Потому и пуд.

М. (*то ли себе, то ли Лулу*). Ишь, старый козел, чего мелет...

Р. Что-что? Не разобрал я, мадам.

М. Словом, Гриша, тебя к нам ангел прислал. Слышала, Лулу? Так что веди себя с господином Распутиным соответственно. Во всем, а особенно... в том, что касается... шуры-муры.

Л. Вы имеете в виду: пити-мити?

М. (*медовым голосом*). Ну да... сиси-миси.

Л. А, ясно: мики-тики.

Одно из зеркал наполняется светом.

Р. (*содрогнувшись*). Знаю, еще семь дней... Но скажи, почему — я? Почему именно на меня взвалили такую ответственность? Почему именно я должен испить эту чашу? Почему именно на мою голову валится равнодушие, никчемность, бессилие коронованных особ?.. Почему, хотел бы я знать?

V.

Распутин и король Великобритании Георг V.

Королевские покои. Георг, с лупой в руке, разглядывает старинные печатные книги, гравюры, рукописи, иногда подносит их к свету, что-то показывает гостю. Угощает его чаем.

Георг напевает себе под нос. Собственно, это известная песня “Распутин” ансамбля “Boney M”, но без текста, одна мелодия.

Р. Ваше Величество, вы не рассердитесь, если я спрошу: что за необычную песню вы изволите напевать?

Г. А... в самом деле... Вы знаете, понятия не имею, откуда она взялась. Будто издалека откуда-то прилетела... Бог ее знает...

Тишина.

- Ну, и как вам тут, в наших краях?
- Р. Что сказать... (*Тоже напевает.*) A poor man in a rich man's world¹.
- Г. Вам случилось бывать у нас прежде, мистер Распутин?
- Р. Нет, Ваше Величество, я в Лондоне первый раз.
- Г. Да? И как вам нравится... наша погода?
- Р. Очень славная погода.
- Г. Я от души рад этому, мистер Руспа... Рупса... мистер Рапсутин. И... что вас привело на берега Темзы, если позволено будет спросить? Вы ведь — доверенное лицо царя, не так ли?
- Р. Вы хотели сказать: фаворит?
- Г. Возможно, вы и правы. Итак?
- Р. Я к вам насчет войны, Ваше Величество.
- Г. Хм.
- Р. Которая вот-вот вспыхнет.
- Г. О, вовсе не обязательно. Великие державы полны решимости устранить эту угрозу.
- Р. Вот как?
- Г. Да-да. Все так говорят.
- Р. И что, это правда?
- Г. А, сейчас вся Европа занята своего рода политическим петтингом, если вы понимаете, что я имею в виду. Пока что все только смакует мысль о войне, но не факт, что это сладострастное предвкушение, эта симуляция, эти игры перейдут во что-то серьезное.
- Р. Ваше Величество, а вы-то сами — как? Вы хотите, чтобы война началась? Или не хотите?
- Г. Какое послание вы мне привезли, мистер...
- Р. Распутин, Григорий Ефимович.
- Г. Да. Григорий. Итак?
- Р. Я привез послание, что война будет бесчеловечной и принесет огромные беды нашим империям.
- Г. Вашей и моей?
- Р. Всем коронам Европы.
- Г. Я слышал, вы провидец.
- Р. Да.
- Г. Ваша профессия — фаворит и парафеномен.
- Р. Да, с вашего позволения.
- Г. И на сколько лет вы провидите будущее?
- Р. Сейчас — на сто. Мне дано видеть все в ближайшие сто лет. До самых мелких деталей. Кроме моей собственной

1. Бедняк в мире богатых (*англ.*). (*Здесь и далее — прим. перев.*)

смерти. Видеть свою смерть запрещено даже великим провидцам. Но это — единственное.

Г. Может быть, это и правильно... А мою вы видите?

Р. Да, Ваше Величество.

Г. (*задумавшись, раскуривает трубку*). Так, и что вам видится впереди?.. Англия станет республикой?

Р. Нет, останется королевством, с симпатичными престолонаследниками.

Г. Мы потерпим поражение в этой войне, которая вот-вот начнется?

Р. Да. То есть нет. Как и в следующей войне, которая будет еще ужасней.

Г. То есть мы выиграем эти войны.

Р. Но Англия потеряет свои колонии. Ни одной не останется.

Г. К сожалению, этот процесс начался сто лет назад, когда мы потеряли эту дурацкую Америку. На что нам рассчитывать, если мы не смогли обуздать кучку бродяг?.. Вот и уплыли от нас тамошние колонии. Что вы на это скажете? Иного мы и не заслуживаем, если мы такие растяпы... Правда, Канада осталась.

Р. ...ирландцы тоже выделятся. Шотландцы, валлийцы — и те будут требовать самостоятельности. Зато население бывших колоний потечет сюда рекой, а англичане мало-помалу станут на острове национальным меньшинством. На острове, который тысячу лет никто не мог покорить.

Г. Это плохо... Но какое отношение ко всему этому имеет война, о которой мы говорим сегодня, в июле 1914 года? Вы утверждаете, что из-за нее мы потеряем колонии? А если мы избежим войны, то британская империя сохранится?

Р. Скажу честно: не знаю. Может, и сохранится. Я знаю только то, что видел своими глазами, с разрешением тысяча сто пикселей...

Г. Как вы сказали?

Р. А, это какой-то будущий техносленг. Чепуха... Суть в том, что я совершенно четко видел, какие немыслимые страдания ожидают подданных Вашего Величества. Англия потеряет на полях сражений миллионы и миллионы своих солдат. И ничего не выиграет взамен.

Г. Если немцы проиграют войну, вот и наш выигрыш. Думаю, мы будем на стороне победителей, а наши враги — в лагере проигравших.

Р. Нас всех ждут ужасные времена. И победителей, и побежденных.

Г. Это очень жестоко.

Р. Именно.

Г. Мистер Распутин, чего вы от меня хотите? Или — чего хочет мой друг и кузен, царь Николай? Что я могу для вас сделать?

Р. Предотвратите войну.

Г. Это просьба Николая?

Р. Да.

Г. Точно?

Р. Да. Его просьба, потому что это в его интересах.

Г. А он знает?

Р. Что?

Г. Что это его просьба. И что это в его интересах.

Р. Да. Теперь уже и Ваше Величество знает, что это в ваших интересах. В интересах империи. Чтобы не было войны. У нас на это еще четыре дня.

Г. И вы думаете, я мог бы предотвратить мировую войну, которая вот-вот разразится? И которую требуют массы...

Р. Массы, массы... Долг властителей — в том, чтобы, если массы хотят чего-то дурного, не дать им добиться этого. Иначе — зачем нужен властитель?

Г. Дорогой господин Распутин, мне кажется, вы не вполне отдаете себе отчет, с кем разговариваете.

Р. Я думал: с королем Великобритании.

Г. Генрих VIII, он — да! Он еще был властелином жизни и смерти, а может, и властелином истории. Но с тех пор в Англии много чего произошло, и мы здесь властвуем уже по-другому, не так, как, скажем, в России. Ведь что происходит там, у вас, на берегах Невы? Мой высокочтимый кузен Ники исходит совсем из иных принципов, осуществляя свою миссию самодержца. Я бы даже сказал: профессию самодержца. Я слышал, на бланке переписи населения в графе “Род занятий” он написал: “Хозяин земли русской”.

Р. Стало быть, Ваше Величество, вы хотите сказать, ваше мнение в вопросе о том, что будет с Англией, быть войне или не быть, — ничего не значит?

Г. Я тоже отвечу откровенно: значит. Очень даже значит... Но, к сожалению, не в той мере, в какой хотелось бы. Генерал Китченер — вот кого надо бы убедить: в вопросах войны и мира его мнение будет решающим. Да-да, представьте себе. Вот до чего мы дошли. Такие времена нынче... Поверить трудно.

Р. Генерал Китченер, главный национальный мясник, вместе с его кораблем, полным солдат, через два года, не позже, будет пущен к чертовой бабушке на дно морское.

Г. В самом деле?

Р. Да. К чертовой бабушке.

Г. Через два года, вы сказали? Ах, поздно, поздно... Но когда будете разговаривать с ним, об этом промолчите. Если, конечно, мое мнение что-то значит для вас. Потому что тогда он уж точно будет настаивать на войне.

Р. Почему?

Г. Чтобы кто-нибудь не подумал, что он испугался. Знаете, бывают такие парадоксальные варианты выбора собственной судьбы... Я бы сказал: ловушка для самого себя.

Р. Кроме Китченера и еще нескольких одержимых, кто еще в Англии хочет этой войны?

Г. Массы мы уже помянули, так ведь?.. Ну, еще военный бизнес, а это очень большая сила.

Р. Для военных поставщиков — да. Но для миллионов солдат в окопах — бизнес не такой уж большой...

Г. Цинично, но, по сути, верно.

Р. Повторю свой вопрос: кто еще в Англии хочет этой войны?

Г. Хм...

Р. Почему я это спрашиваю? Потому что имел честь читать строки, которые один из дипломатов Вашего Величества запишет в свой дневник.

Г. Запишет?

Р. Да. На будущей неделе. Что-то в том роде, что, увы, сейчас повсюду в Европе гаснут огни, и, возможно, мы долго не увидим их снова зажженными...

Г. Вот как...

Р. В смысле: тому, что было сутью Европы, теперь кирдык.

Г. Кирдык? Ха... И что еще напишет мой добрый Эдвард?

Р. Через десять с лишним лет он изволит заметить, что Англия очутилась в этой дурацкой войне, сама не ведая как, находясь в странном, бессознательном, сомнамбулическом состоянии.

Г. Хи-хи. Знал бы бравый Эдвард, что он еще и дневник свой не успеет завести, а я уже буду знать, что в нем написано...

Р. Например, что Англия сама не хотела... Вернее, не хочет по-настоящему этой войны. Ни теперь, ни тем более потом.

Г. О нет, конечно, не хочет. Это все французы, это они изо всех сил стараются нас втянуть. У них-то есть мотив: они хотят насолить немцам. Сумасшедшие и те и другие. Мечтают поквитаться друг с другом. Реванш им нужен. Это очень мощный мотив, если хотите знать мое мнение. Все они, кхм, не в себе.

Р. Ваше Величество, у нас еще четыре дня. За это время мудрость должна одержать верх над безумной, самоубийственной жаждой реванша, над черным цунами сердца, над кровавым карнавалом и пляской смерти.

Г. Четыре дня?

Р. Сто часов примерно.

Г. Мало, очень мало.

Р. Но это все-таки сто часов. Больше, чем полчаса или полминуты. Когда речь идет о ста миллионах человеческих жизней...

Г. За сто лет погибнет сто тысяч солдат?

Р. Нет, это округленное число. Я добавил сюда и тех, кто умрет от эпидемий, а эпидемии во время войны — обычное дело, и жертв украинского голодомора, Холокоста, сталинского террора, и гражданское население, погибшее от атомной бомбы, ну и потери от более мелких войн.

Г. Понятно. У меня три вопроса.

Р. Извольте, Ваше Величество.

Г. Если не ошибаюсь, сто миллионов за сто лет — это миллион в год... Не такая уж сумасшедшая цифра, но Бог с ним... Мне вот что любопытно. Если мировая война сейчас не начнется и не будет ее последствий, то... эти сто миллионов останутся живы?

Р. То есть... как вас прикажете понимать, Ваше Величество?

Г. Ну, если не на войне, то они ведь тоже когда-то как-то умерли бы. Разве не так?

Р. Но не насильственной смертью! И если прикинуть, сколько лет могли бы все эти люди еще прожить... пусть каждый хотя бы по одному году, — это ведь уже сто миллионов лет.

Г. Второй мой вопрос: сколько человек будут жить на Земле через сто лет?

Р. Помнится, что-то около семи миллиардов.

Г. Ясно. В общем, угрозы, что человечество вымрет, нет.

Р. Ну да, такой угрозы нет.

Г. И последний: если эта война сейчас не начнется, то где гарантия, что через полгода не начнется другая? Откуда нам знать, сколько других войн нам грозит и сколько жертв они потребуют?

Р. На это я сейчас не могу ответить.

Г. (*встает*). Как бишь зовут того симпатичного молодого князя, дальнего родственника царской семьи? Феликс?

Р. Князя Юсупова?

Г. Да. Вы с ним знакомы?

Р. Часто встречаемся. Он здорово поет цыганские романсы. И аккомпанирует себе на балалайке. Прекрасный парень. А почему вы спрашиваете о нем, Ваше Величество?

Крик совы.

Г. Передайте ему привет... Всего хорошего вам. Сейчас я, к сожалению, должен уйти. У меня по расписанию медитация.

Р. Но почему вы спросили про Юсупова?

Г. Так, в голову пришло. Позвольте спросить, мистер Распутин: вы футболом интересуетесь?

Р. Немного. Кстати, в двадцатом веке футбол будет основным видом спорта.

Г. А вы можете мне сказать, какая команда выигрывает через сто лет чемпионат Англии? И кубок?

Р. Пожалуй. Кажется, какая-то манчестерская. Я особо не вникал. Но вроде так.

Г. Что ж, надо запомнить... Манчестер...

Р. Еще вопросы, Ваше Величество?

Г. Ну, на данный момент...

Р. Что ж, тогда...

Г. Тогда — до свиданья, мистер Распберри. Был счастлив. Спасибо, что зашли. Кузену Ники мой искренний, сердечный привет.

Р. А... война?

Г. Посмотрим, что можно сделать. На меня, во всяком случае, рассчитывайте. Постараюсь предпринять все, что в моих силах. А вы, если удастся, поговорите с генералом Китченером.

Р. (*уходит, скорее себе*). Ну что ж, и тут побывал...

Георг задумчиво смотрит ему вслед и вполголоса напевает шлягер “Boney M”, “Rasputin”; может быть, даже начинает пританцовывать, как на дискотеке.

VI.

РАСПУТИН в Париже.

Распутин у дверей дома Клемансо. Потом — в кафе.

ЛАКЕЙ. К сожалению, месье Клемансо сегодня не может вас принять.

Р. А завтра?

Л. И завтра не может. И послезавтра.

Р. То есть как?

Л. Кроме того, он просит вам передать, что сам узнаёт личное мнение Его Царского Величества в связи с теми или иными проблемами, так что ни к чему вам с этим сюда соваться. И бросьте всякие попытки: здесь, в Париже, у таких авантюристов никаких шансов на успех, никто вас слушать не станет, возвращайтесь домой по добру по здорову. Ах да, еще вот что: генерал Жоффри приказал своей охране: если вас увидят поблизости, особенно возле президентского дворца, то чтоб сразу же стреляли.

Р. Вот как. Больше он ничего не передавал?

Л. Нет, только то, что я сказал. Он просит прощения, что не может вас принять, и шлет месье Распутину уверения в своем совершеннейшем почтении и преданности. До свидания, месье Распутин.

Р. Ладно. Но ты все-таки скажи своему хозяину: я его только затем хотел увидеть, чтобы сообщить, что сын его скоро покончит с собой... Так что за ним сейчас стоит присматривать... конечно, если сын ему дорог, только в этом случае... Если генерал привязан к нему...

Л. (*заикаясь*). Как... ка...ч...ч... что...

Р. (*внезапно хватая лакея за грудки, может быть, даже поднимает в воздух, стискивает ему горло, душит, прижимает к стене*). И еще передай ему и всем прочим политическим клоунам... Передай им: осел по льду пусть гуляет, пока ногу не сломает... Понял?

Лакей издает нечленораздельные звуки.

(*трясет и душит его*). Тогда повтори: осел...

Л. (*в ужасе вытаращив глаза*). Осел...

Р. По льду пусть...

Л. По... льду... пусть...

Р. Гуляет...

Л. Гу... ля... ет...

Р. (*во всю глотку*). Пока...

Л. Пока... пока...

Р. Ногу не сломает.

Л. Ногу... не... сло... мает.

Р. Я еще вернусь, чтоб тебя поучить... Ты еще выучишь у меня письмо Татьяны к Онегину. Я к вам пишу... (*Распутин вталкивает лакея в дверь, закуривает, потом идет к ближайшему кафе и садится на террасе за столик. Что-то бормочет себе под нос, может быть, спорит с архангелом*). Но какой смысл?.. Почему именно меня?.. Если я это, если я то... Ладно, еще маленький цесаревич... да хранит его Пресвятая Богородица... Но почему меня? При чем тут я...

Почему именно мне достался этот горький удел, почему? почему? почему? Разве это жизнь, ай-яй-яй... жизнь это разве? Голова кружится, сердце колотится, в желудке судороги... черт подери, ай, желудок... Почему именно я должен выпить эту горькую чашу?..

Официант. Вам большой стакан горькой настойки для желудка?

Приходит Марсель Пруст, официант с большим воодушевлением приветствует его.

О. Для нас огромное удовольствие, месье Пруст, видеть вас.

Пруст вынимает рукопись, садится, начинает ее читать. Вскоре появляется Лулу.

Л. Ты так быстро освободился? Хорошо, что я раньше пришла.

Р. (*бросает ей*). Садись.

Л. Ты почему такой мрачный? Чем недоволен?

Р. Мадемуазель, у меня одно в голове: какие внутренние силы формируют судьбу человека?

Л. И одна из этих сил?.. Я угадала?

Р. Инстинкты, чувства, все такое... Ты права.

Л. Любовь, голод, боль, скорбь, месть, ревность, гнев?!

Р. Ну и всякие ценности, так, вообще. Это могут быть предметы...

Л. Конечно!

Р. ...или ценности ни с чем не сравнимые, не поддающиеся описанию...

Л. Ты такой умный...

Р. ...то есть много-много всего, и среди прочего... (*Шепчет что-то на ухо Лулу, которая принимается хихикать.*)

Р. Другая сила, которая движет нами, — интересы.

Л. А это что такое?

Р. Это когда ты из чего-то, что произойдет или не произойдет, можешь извлечь какую-то пользу. То есть... ну, если тебе выгодно что-то сделать, или сказать, или во что-то верить...

Лулу наклоняется к Распутину и шепчет что-то.

Р. Да.

Л. А третья сила?

Р. А третья громадная сила, которая направляет судьбу человечества, — это глупость. Но эта сила — самая могущественная.

Распутин и Лулу уходят. Сцена темнеет; лишь в центре, в луче света, видна голова элегантного, как денди, Пруста — пробор, усы. Он задумчиво смотрит в темноту.

VII.

[243]

ИЛ 8/2014

Распутин и Лулу.

Спальня.

- Л. Расскажи мне что-нибудь о себе? Кто ты такой, Грегуар? Чем занимаешься? У меня, например, был друг, который торговал свиньями. Такое мне понятно. Ты не свиньями торгуешь?
- Р. Я — провидец, так можно сказать. Кто-то считает меня авантюристом. А чем я сейчас занимаюсь? Если уж ты спрашиваешь, скажу: пытаюсь предотвратить рок.
- Л. Предотвратить рок? А это возможно?
- Р. Сделать что-то случившееся неслучившимся — это одно. Не дать чему-то случиться — это другое. Я пытаюсь сделать второе.
- Л. Что-то предотвратить? Или вернуться и переделать?
- Р. Дедушка мой говаривал: стрела назад не летит... Старик мой был — таких еще поискать. Когда он брал ружье и шел в тайгу, звери слезы лили, потому что знали, у них — никаких шансов.
- Л. Ух ты! Расскажи еще что-нибудь о нем?
- Р. Он торговал соболиными шкурками.
- Л. Словом, ты хочешь переделать какие-то вещи?
- Р. Ты где родилась, милая?
- Л. В Венеции, дядя Гриша.
- Р. Я слышал — это красивое место. (*Пьет.*) Не зови меня дядей. Я Григорий. Или Гришка. Ты видела когда-нибудь соболя? Итальянцы ведь... Ну, не важно, не обращай внимания. Пей. Еще три дня... И все. Семьдесят два часа. Три дня, даже меньше.
- Л. Ты что — собрался напиться? Ничего лучше не мог придумать? Когда ты тут, рядом со мной, тебе в голову ничего больше не приходит, только напиться, как свинья? Но зачем я тебе для этого нужна? Зачем ты выложил за меня такие деньжищи? Что с тобой, Грегуар, чего тебе надо? Грегуар? Слышишь? Какая у тебя на груди пушистая кошка, Гриша!..
- Р. Что я хочу, Лулу?.. То, о чем я мечтаю, это ведь... простая вещь... мне и сказать стыдно, хотя я мужик...

Л. Ну говори же, не будь таким стыдливым, Грегуар. Ты уже не мальчик. Ты даже не представляешь, чего наслушались в своей жизни мои уши...

Р. Вот это славное ушко? Это? Или другое?

Л. Мне ты можешь доверить любое желание, даже то, в чем себе самому не смеешь признаться.

Р. Но то, что я хочу, бутончик ты мой, цветочек мой, это совсем другое, и тут ты мне не можешь помочь, *ma riscolla bella bimba*¹...

Л. Чего бы тебе хотелось?

Р. Ответ проще, чем ты думаешь. Я хочу сбежать от себя. Как соболь в тайге. Я хочу сбежать от своей роли. Чтобы меня не было тут. Я — не в своей роли, я — это не я. А я хочу быть собой. И хочу все забыть. И, если возможно, то немедленно. Сейчас. Немедленно. Все.

Л. Сейчас, немедленно? А я тебе мешаю? Отвлекаю тебя? Грегуар, не грусти. Почему ты мне не сказал? Какой ты неловкий... глупый... А хочешь, я сделаю так, что ты обо всем на свете забудешь? И радуйся, если не ослепнешь при этом... Не думай, я не просто так говорю...

Р. Не просто так? Ну-ну...

Л. Да-да, и радуйся, если не ослепнешь.

Р. (*сладострастно хохочет*). Хе-хе-хе. Расскажи мне о гондолах.

Л. Я не знаю, что тебя угнетает, но ты об этом забудешь, ты увидишь, сейчас увидишь...

Р. Ой, ой, если бы это было правдой, маленькая моя, *dulcissima bella*², если б это было правдой!.. Знаешь, я все время слышу крик совы. Бесперывно.

Л. Что тебя так угнетает?

Р. Судьбы мира, *ma bella*

Л. Да брось ты. Как есть, так пусть и будет.

Р. Уверена?

Л. Конечно, уверена. Я-то думала, что-то серьезное.

Р. Но это — достаточно серьезно.

Л. Чепуха какая...

Р. Ну, ладно... Теперь и ты расскажи о себе. Например, о чем ты мечтаешь? Что твоей душевнечке угодно?

Л. (*кокетливо*). Моей душевнечке? Например — платье испанской принцессы.

Р. Ну-ка, еще раз.

1. Моя очаровательная крошка (*итал.*).

2. Сладчайшая красотка (*итал.*).

Л. Mon âme, la robe d'une infante... Это я на прошлой неделе слышала от одного гостя. Его звали Альбер.

Р. Альбер?

Л. Да. Ты его знаешь?

Р. Нет, вряд ли.

Л. Нравишься ты мне, Гриша. Имя у тебя такое красивое!

Р. Знаешь, Лулу, чего я не могу?

Л. Скажи, батюшка, чего ты не можешь?

Р. (*полусерьезно, почти рыдая, почти хохоча над своей глупой шуткой, принимается громко петь*). Нет, не могу я, не могу остановить песочные часы...

Л. Иди ты, знаешь куда, со своими сибирскими песнями...

Р. Ладно, тогда давай, мой бутончик, посмотрим, что ты мне покажешь...

VIII.

РАСПУТИН и ФРАНЦ ИОСИФ I.

Шёнбрунн. Все время слышен громкий крик совы.

Ф. И. Да, тот священник-воспитатель из Веспрема, который присматривает за маленькими Габсбургами, уже встревожил весь наш двор: он, видите ли, страшный сон видел. Сон, конечно, может означать и дурное что-нибудь...

Р. На сей раз он означает дурное.

Ф. И. Но австрийская корона...

Р. Не будет австрийской короны. Будет хилая, чахоточная австрийская республика, которую через двадцать лет поглотит немецкая империя.

Ф. И. Что? Как? Гогенцоллерны?

Р. Нет. Они будут свергнуты с трона...

Ф. И. Интересные ты вещи говоришь, Распутин. Но как я тогда должен это понимать? Гогенцоллернов не будет, но Германия все-таки останется империей? Или чем она будет? При чем тут империя?

Р. Для этого у меня нет слов, чтобы сказать, чем станет Германия.

Ф. И. Вернемся к Австрии. Она что, потеряет часть своей территории?

Р. Немного, только Южный Тироль. Зато получит западные области Венгрии, чтобы Вена не была все-таки совсем на границе.

Ф. И. А Венгрия...

Р. Венгрия больше всех потеряет в этой войне. И в следующей. Ее ждут две тяжкие оккупации. О чем она понятия не имеет.

Ф. И. Хотя... вроде бы неплохие солдаты... Только все время чем-нибудь недовольны, это их беда, согласен?

Р. Нет.

Ф. И. Я тебя уверяю. А вообще-то смелые, brave солдаты... Ты сказал: Венгрия много потеряет?

Р. Ужасно много. Но не на полях сражений.

Ф. И. А где?

Р. На мирных переговорах. В Трианоне. Там будет много куртизанок, и они будут работать не на венгров.

Ф. И. То есть... эта беспокойная нация вообще-то победит, если речь идет о сражениях, но проиграет войну в постели.

Р. Некоторое упрощение, но — недалеко от истины.

Ф. И. Так им и надо, смутьянам.

Р. Вот теперь они поплатятся.

Ф. И. Чего они теперь сделают?

Р. Я говорю, теперь они за все расплатятся.

Молчание.

Р. Ваше Величество, монархия — перед смертельным прыжком.

Франц Иосиф ухмыляется, словно немного не в себе.

Ваше Величество!

Ф. И. Нельзя безнаказанно пытаться обвести вокруг пальца Всевышнего.

Р. Да уж это точно. А что там за сумасшедшие крики?

Ф. И. Это мои птички, я их в спальне держу... и в кабинете. И даже в гостиных полно этих милых созданий, совы это. Очень симпатичные птицы. Я их с ладони кормлю. Хочешь попробовать?

Р. Спасибо, пока нет.

Молчание.

Ф. И. Слушай, то, что ты сказал, серьезно?

Р. Очень серьезно.

Ф. И. (*встрепенувшись*). Что ты сказал? Что я еще никогда не выигрывал войну? Одну выиграл, и то благодаря русским. Ты это сказал?

Р. Ваше Величество, я такого не говорил.

Ф. И. И не думал?

Молчание.

Р. Тогда предлагаю сосредоточиться на самой проблеме.

Ф. И. А? Что сделать?

Р. Сосредоточиться.

Ф. И. Ага.

Молчание.

Что ж, давай перейдем к проблеме... О чем, бишь, мы говорили?

Р. Когда?

Ф. И. Что ты имел в виду, когда сказал о проблеме?

Р. Я конкретно думал о войне.

Ф. И. А, ну конечно.

Молчание.

Р. Тогда — как вы решаете, Ваше Величество?

Ф. И. Это о чем?

Р. О чем? О войне.

Ф. И. Ты что мне советуешь?

Р. Эту войну ни в коем случае нельзя начинать, потому что за ней последуют ужасные вещи.

Ф. И. Не раздражай меня.

Распутин молчит.

Ты говоришь, нельзя?

Р. Да.

Ф. И. Ну, тогда... Тогда пускай не будет войны.

Р. (*вскакивает*). Ваше Величество, вы необыкновенный человек! Великан! Благодаря вам будут спасены сто миллионов человек, будет спасена Европа! Спасибо! Спасибо! Вы — мессия! Ваше имя останется в веках! Победа! Ангелы в небесах уже начищают трубы!

Ф. И. (*скромно улыбается, потом постепенно мрачнеет*). Знаете, несколько лет назад у меня убили жену. Это случилось в Швейцарии.

Р. Мои глубочайшие соболезнования. Она точно была бы против этой войны.

Ф. И. Опасность исходит от Швейцарии.

Р. Это чистая правда.

Ф. И. Как?

Р. Именно отсюда она скоро выедет в запломбированном вагоне. Я имею в виду — опасность. Если мы не предотвратим войну...

Ф. И. Моя супруга, императрица...

Р. Да, она была бы против этой войны. Она наверняка не допустила бы ее. Это — sicher.

Ф. И. Видишь ли... все, что касается меня, я хорошо продумал и взвесил...

Р. И что?

Ф. И. Мы поставим Сербию на колени, немножко поучим ее хорошим манерам. Ты знаешь того студента? Я имею в виду Гаврило. Ты с ним уже встречался? Что это за тип? Он из чистого сословия? Он хотя бы вымыл свою грязную руку, прежде чем поднять пистолет на моего племянника?

Р. По-моему, он не из чистого сословия.

Ф. И. Мы, конечно, немножечко их проучим, снимем с них стружку. Но надолго войну затягивать не будем. И прежде чем опадут листья с деревьев, если позволите мне воспользоваться этим модным нынче оборотом, наши солдаты вернутся домой. (*Замечтавшись, сидит, глядя вдаль, потом, встрепенувшись, продолжает.*) О чем мы тут говорили?

Р. О том, что Ваше Величество все продумали и взвесили...

Ф. И. А? Да, да, точно.

Р. Но продумать все — невозможно. На это способен только Господь Бог.

Ф. И. Что мне пришло в голову: ты не видел где-нибудь моего сына? Наследного принца Рудольфа? Он какое-то время не показывается на людях. Должно быть, где-то кутит. Или за юбками бегаёт. Знаете эту молодежь. Вот и он все насчет девчонок... Однажды мне его чуть не пришлось устранить, по предложению немцев... Это случилось в Майерлинге... Потому что он якшался с нашими врагами, слышали вы такое? Мой собственный сын... Наследник трона... Конечно, он тоже начал терять терпение, как, бишь, он говорил: дескать, он — вечный наследник... (*Смеется.*) Поговори и с ним тоже. Ну и с императрицей. (*Задумывается, потом, рыдая.*) Нет, ее же убили. Ее заколол тот венгр, ученик портного, Лайош Кошут...

Р. Сочувствую, Ваше Величество.

Ф. И. Или Лайош Петефи... Листья с деревьев...

Р. Понимаю.

Ф. И. (*поет*). Грустно кивают кроны деревьев. (*Бессмысленно ухмыляется.*)

Р. Нет, я это не вынесу... (*Откашливается, неловко переминается с ноги на ногу.*) Что ж, тогда...

Ф. И. Тогда что?

Р. У нас есть еще целый день, может, два. Еще не поздно. Еще можно спасти сто миллионов человек. Для этого нужна только мудрость. Еще тридцать шесть часов, и это все.

Ф. И. Да, ты прав! Мы с ними рассчитаемся! Пришлите ко мне наследника! (*Вскакивает.*) Объявляем войну! (*Танцует танец новобранца.*) Мы рассчитаемся с ними! Со всеми тринадцатью генералами, с каждым негодяем, с каждым предателем, с венгерским премьер-министром! (*Откалывая коленца.*) Пришлите ко мне моего брата Максимилиана! Долой убийц! Расскажите это у себя дома! Счастливого пути! И — опасайтесь швейцарцев.

IX.

РАСПУТИН С АРХАНГЕЛОМ, ПОТОМ С ЛУЛУ.

Гостиничный номер.

Р. ...и начинают валиться, как костяшки домино, черные, кровавые, костяшки... О, бедный цесаревич, о, бедные девочки... Ты мог бы... вы могли бы это предотвратить... Всего лишь осечка пистолета — и все пойдет по-другому. Насколько это было бы проще, чем терять время с безнадежными идиотами. Что за архангелы оберегают нас там, наверху? Где это знаменитое провидение? Я всегда верил в провидение. Теперь во что мне верить?

Не отвечаешь.

Ну и влип я в историю... И не на кого надеяться... Только на себя.

А Он, Отец наш, Вездесущий и Всеведущий, знает ли Он, что за этим последует? Он, самый что ни на есть Всевышний и самый что ни на есть бесконечный, без воли которого даже пескаря не вытащишь из реки? И, главное, зачем Ему понадобился именно я, что это за дурацкая игра?

Как? Ну, нет. Уж позволь. Ведь ты видишь насквозь лабиринты рока, ты точно знал, что я ничего не добьюсь этим... этим совершенно безнадежным, увы, экспериментом... в котором я был только игрушкой. Ты знал, что конец будет таков... Зачем это было надо? Кому? Почему?

Л. (*входя*). Что почему?

Р. Не все ли равно? Нам надо поговорить.

Л. О чем?

Р. Мы должны расстаться.

Л. Ты с ума сошел?

- Р. Ты этого не поймешь. Начинается конец света. Я чувствую, что и у меня мало времени.
- Л. Тогда это время я проведу с тобой.
- Р. Я возвращаюсь в Россию.
- Л. Я с тобой.
- Р. Ничего не выйдет.
- Л. Но ведь ты купил меня. Я твоя. Это значит, что я должна ехать с тобой.
- Р. Я верну тебя мадам.
- Л. Распутин, ты свинья. Боюсь, у тебя в самом деле осталось мало времени.
- Р. Откуда ты это взяла?
- Л. Оттуда: я сама тебя убью, если будешь говорить такое.
- Р. Мадемуазель Лулу, я оставлю вам много-много денег. Много золота. Скоро вы получите соболиную шубу. С этого момента вы свободны. Свободная женщина. Делайте, что хотите, поезжайте, куда хотите.
- Л. Я еду с тобой.
- Р. Я вернусь за вами. В скором времени.
- Л. Я знаю, что не вернешься.
- Р. Не плачьте. Я должен идти. *(Выходит в прихожую.)*
- Л. Гриша! Останься со мной, хоть на часик. Я хочу еще раз, последний раз... на прощанье.
- Р. *(из прихожей)*. Я бы тоже не против.
- Л. Тогда вернись.
- Р. Знаешь... Начинай без меня, Лулу. Я скоро приду.
- Л. Ты мне это говоришь? Начинать без тебя? Какой же ты подлый, Грегуар! *(Тут она вскрикивает от радости, потому что Распутин возвращается в комнату, но скоро выясняется, что он вернулся за пальто.)*
 Мерзавец, повесь пальто!
- Р. Храни тебя бог, бутончик!
- Л. Не оставляй меня! Распутин! Не оставляй! Бог тебя накажет!
- Р. *(из-за двери)*. Уже наказал.

X

РАСПУТИН И ГАВРИЛО ПРИНЦИП.

Сараево, гауптвахта в казарме Филипповича. Принцип лежит на койке; зрителю не обязательно его видеть.

- Р. Знаете, Гаврило, что вы натворили. Очень-очень ужасную вещь вы натворили, друг мой.

Гаврило молчит.

Я знаю, о чем вы думали, когда вытащили револьвер. Вы думали о Сербии, о будущем сербской нации. Я даже не отрицаю, что с вашей точки зрения то, что вы сделали, можно назвать героическим поступком. Ведь вы точно знали, что это вам с рук не сойдет. Вы сгниете в тюрьме, это факт. Я вовсе не собираюсь заниматься вашей личной жизнью, но чахотка уже работает у вас в организме, молодой человек.

Гаврило молчит.

Она работает в ваших тканях, в ваших, вне сомнения, омерзительных легких, словно какая-то Черная Рука, если не возражаете. Кстати о руке: не позже чем через три года вам ампутируют одну руку, к сожалению, не правую, чтоб она отсохла... когда вам еще всего четыре года было, Гаврило... Так что не радуйтесь, что вы избежите смертной казни... Кстати, вы заслужили, по крайней мере, трижды быть посаженным на кол... Да, а что вы скажете о том, что в вашей, всеми проклинаемой монархии несовершеннолетних не казнят, даже если они достигнут совершеннолетия через месяц... И даже за такое свинство, как то, что вы совершили... Согласитесь, это все-таки правовое государство, не правда ли? Что бы вы получили за это в Сербии?

Гаврило молчит.

К тому же весь ваш... хм... героизм окажется совершенно бессмысленным, бесцельным, я имею в виду, с точки зрения ваших великосербских фантазий. Никому эта ваша великосербская чушь не нужна, все от вас отвернется, и в конце концов вы даже Косово потеряете. В этом смысле сейчас ваше положение даже лучше, я имею в виду у сербской нации, не правда ли? Так что ни к чему было столько дерьма обрушивать на наши головы.

Вот и все о вашей политической самореализации, Гаврило.

Так что я совершенно не могу понять, почему вы молчите. Может, чувствуете, что одним-двумя выстрелами вы напрасно послали в преисподнюю десятки и десятки миллионов несчастных, ввергли человечество в пучину невероятных страданий...

Гаврило молчит.

Вы, конечно, понятия не имеете, куда попала пуля из вашего чертова пистолета... Спорим, вы даже марки его не знаете... А ведь это самое убийственное оружие во всей человеческой истории, так что я все-таки вам скажу: это семнадцатимиллиметровый браунинг типа FN M-1910. Из такой чепуховой игрушки не стреляли еще с таким громом... Можно подумать, что серия у него должна быть не иначе как 666, число Сатаны, — но удивительно, что она — 19074, если вас это интересует.

Гаврило молчит.

Чтоб и у того браунинга тоже что-нибудь отсохло.

Гаврило молчит.

Кстати сказать: войди ваша пуля на пару миллиметров левее или правее, не угоди она точно в артерию, — все бы могло пойти по-другому. Или сверни шофер на другую улицу, следом за автомобилем, который возглавлял кортеж кронпринца.

Гаврило молчит.

Одно вы можете сделать, Гаврило, если не хотите быть навеки проклятым как адский демон зла, как бич божий, какой еще не обрушивался на род человеческий... Да, мне вот подумалось: кто была ваша мать, Гаврило? Кто вас родил? Молчите? И что значит в вашем адском гороскопе? Неужто никто никогда не осмеливался в него взглянуть? Святой Боже, что будет с нами, что будет с батюшкой царем, и с цесаревичем, и со ста миллионами несчастных — из-за вас? Слышите? Со всеми, кому теперь — полный кирдык — из-за вас?!!! А-а-а, накажи вас Господь, fuck, fuck, fuck...

Гаврило молчит.

...в общем, одно вы можете... Сделайте как-нибудь так, чтобы ничего этого не было... не было покушения. Как именно, только вы знаете, но вы должны сделать! Хотя бы ради сербов... Слышите? Как-нибудь верните те пули, пускай они обратно влетят в тот сраный револьвер, придумайте что-нибудь, но времени у нас мало, Гаврило, надо чтобы вы сию минуту придумали, как все это переиграть, как поправить, как выпрямить то, что вы к гребаной бабушке искривили...

Гаврило молчит.

Сволочь вы, однако, Гаврило.

Гаврило молчит.

Крик совы.

Я, Гаврило, сказал, я русским языком вам сказал, и, если вы не хотите, чтобы черная ваша душа вечно жарилась на самой что ни на есть раскаленной сковороде, придумайте что-нибудь, но только не думайте долго, сейчас, немедленно, иначе — конец. Конец, слышишь?.. Еще минута у нас до апокалипсиса... Слышишь, ты, Антихрист желторотый, убийца, грязное отродье, слышишь? СИЮ МИНУТУ! Ну же! Слышишь?

Гаврило молчит.

Примечания

Пьесу можно представить как широкое историческое панно, но можно и в компактном, камерном варианте.

Крик совы — подсказка для режиссера. Ее можно проигнорировать, можно использовать. Во втором случае лучше постараться избежать дешевого эффекта: я бы рекомендовал, заимствуя этот прием из арсенала романтических приемов, подавать его в сдержанном, приглушенном ключе — или, наоборот, вызываясь громко, подчеркивая иронию и самоиронию.

Сюда относится и признание автора в том, что он был бы горд, окажись он способным придумывать такие сюрреалистические мотивы, как, например, склонность императора Вильгельма к сочинению музыки. Однако же это вовсе не авторская выдумка, а реальный факт: император действительно сочинял музыку, главным образом в жанре марша.

Что касается мистического влечения царицы к изображению свастики, то... тут я лучше приведу отрывок из записок П. Жильяра. Вскоре после расправы над царской семьей у Жильяра была возможность попасть в Екатеринбург, в дом Ипатьева, где произошла эта ужасная бойня. Учитель пишет: комнаты первого этажа служили царской семье тюрьмой; "они были в неопишемом беспорядке. Видно было, что принимались все меры, чтобы уничтожить какой-либо след тех, кто здесь жил. Кучи золы были выгребены из печей. В золе находилось множество мелких полусгоревших вещей, как то: зубные щетки, шпильки для волос, пуговицы и т. п., среди них я нашел ручку головной щетки с заметными еще на побуревшей слоновой кости инициалами Государыни: 'А.Ф.'. <...> Я заметил затем на стене у одного из окон комнаты Их Величеств любимый знак Государыни, 'свастику', который она приказывала всюду изображать на счастье. Она нарисовала ее также карандашом на обоях на высоте кровати, которую занимала, ве-

роятно, она и Алексей Николаевич. <...> Я спустился затем в нижний этаж, большая часть которого была полуподвальная. <...> Вид этой комнаты был мрачнее всего, что только можно представить. Свет проникал в нее через одно, снабженное решеткой окно на высоте человеческого роста. Стены и пол носили на себе многочисленные следы пуль и штыковых ударов. С первого же взгляда было понятно, что там было совершено гнусное преступление и убито несколько человек”¹.

РАСПУТИН Григорий Ефимович родился в 1870 году (по другим источникам в 1872-м) в сибирском селе Покровское Тобольской губернии, приобрел известность как целитель и ясновидец. По убеждению царицы, только ему обязан восстановлением относительного здоровья цесаревич Алексей, страдающий гемофилией. Влияние Распутина при дворе все возрастало, но готовой разразиться войны он не смог предотвратить, хотя предсказывал, что она будет иметь для династии Романовых, да и для России в целом, роковые последствия. В июле 1914 года неграмотная мещанка Симбирской губернии, Хиония Кузьминична Гусева, совершила покушение на Распутина, тяжело ранив его ножом. Находясь в состоянии между жизнью и смертью, он был лишен возможности помешать царю начать боевые действия, точнее, отговорить его от вступления в войну.

Пьер Жильяр, французский гувернер цесаревича, преподаватель из Швейцарии, близко знакомый с жизнью царской семьи, пишет о том, что с началом войны Распутин был оттеснен на задний план — во всяком случае, пока не вернулся из Сибири, “вполне выздоровевший после тяжелого ранения, которое подвергло его жизнь такой большой опасности”.

Три покушения сделали возможным вспыхнувшую Первую мировую войну. Эти три покушения произошли на протяжении одного месяца. Первое совершил Гаврило Принцип, выстрелив в эрцгерцога Франца Фердинанда, второе — Хиония Гусева, напав с ножом на Распутина (и тем самым исключив его из числа тех, кто мог бы воспрепятствовать войне). Третьим был французский “студент” Рауль Виллен, который 31 июля 1914 года, войдя в кафе на Монмартре, застрелил Жана Жореса, политического деятеля, который всеми силами боролся против войны. Есть предположение, что убийство Жореса было инспирировано Александром Извольским, послом России во Франции. Как бы там ни было, роль российских тайных служб нельзя с уверенностью отрицать во всех трех покушениях.

Но возможно, речь идет лишь о случайном стечении обстоятельств.

Виллен (villain — злодей, негодяй) спустя пять лет после поражения Германии предстал перед судом и был оправдан; Анатоль Франс назвал решение суда чудовищным. Виллен поселился на острове Ибица и мирно жил там вплоть до начала Гражданской войны в Испании. В сентябре 1936

1. Слова П. Жильяра цитируются по книге Пьер Жильяр. Император Николай II и его семья. http://pravoslavie.domainbg.com/rus/11/carstvennye_mucheniki/zhiljar.htm

года какая-то анархистская группа расстреляла его — скорее всего, по недоразумению.

НИКОЛАЙ II, Николай Александрович Романов, последний русский царь, родился 18 мая 1868 года в Царском Селе, вступил на трон в 1894 году. Империю его сначала сотрясла Русско-японская война, затем революция 1905 года. В 1914 году он сам, единолично, принял решение о вступлении в мировую войну. Год спустя он стал главнокомандующим российской армии, но существенного изменения в ситуацию на фронтах это не принесло. Через десять недель после убийства Распутина, 2 марта 1917 года, он подписал отречение от престола, содержался под домашним арестом, затем, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, в Екатеринбурге, в доме Ипатьева, был казнен вместе с женой и пятью детьми, в числе которых был и наследник трона.

ВИЛЬГЕЛЬМ II, германский император и король Пруссии, родился в Потсдаме 27 января 1859 года. Вступил на трон в 1888 году. Он отправил в отставку канцлера Бисмарка. В июле 1914 года, не согласовав свои действия с командованием армии, подталкивал Австро-Венгерскую монархию к войне. В ноябре 1916 года, узнав о революции в Берлине, бежал в Голландию и отрекся от престола. В Голландии же и умер 4 июня 1941 года, за полмесяца с лишним до того, как Германия, во второй раз за двадцать семь лет, совершила военное нападение на Россию, во второй раз угодив в войну на два фронта, то есть нарушив собственную главную военную доктрину.

Гаврило ПРИНЦИП родился 25 июля 1894 года в Обляе (Босния). С 1912 года — студент в Белграде; примкнул к анархистской организации “Единство или смерть” (другое название — “Черная рука”). По поручению последней 28 июня 1914 года выстрелами из пистолета убил Франца Фердинанда, престолонаследника Австро-Венгерской монархии, и его жену. Это покушение привело к началу Первой мировой войны. Поскольку ему не было еще двадцати лет (от совершеннолетия его отделяли какие-то четыре недели), его приговорили не к смертной казни, а к двадцати годам тюремного заключения. В тюрьме он и умер 28 апреля 1918 года.

ГЕОРГ V — король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии из Саксен-Кобург-Готской династии. Родился 3 июня 1865 года в Лондоне. Вступил на престол в 1910 году. Во время Первой мировой войны сменил свою, по-немецки звучащую фамилию на Виндзор. Скончался в 1936 году.

ФРАНЦ ИОСИФ I родился в Вене 18 августа 1830 года. С 1848 года — император Австрии, с 1867 года, после заключения Соглашения с Венгрией, король Венгрии. В 1848—1849 годах разгромил, с помощью царской армии, венгерское национально-освободительное движение. В 1853 году Янош Либени, венгерский подмастерье портного, совершил покушение на императора. Сын Франца Иосифа, наследник трона Рудольф, покончил жизнь самоубийством; младший брат Максимилиан расстрелян революционерами в Мексике; жену, Елизавету Баварскую, убил в Женеве анар-

хист Луиджи Лукени; племянник, кронпринц Франц Фердинанд, пал от руки Гаврило Принципа в Сараево. Франц Иосиф сначала чурался самой мысли о войне, но в конце концов подписал обращенный к Сербии ультиматум и затем объявил войну.

Жорж Клемансо родился 28 сентября 1841 года во Франции, в департаменте Вандея. Отличался жесткостью характера, свалил несколько правительств, за что получил прозвище Тигр. Ярый сторонник реванша, препятствовал франко-немецкому сближению. С 1906 года — министр внутренних дел, с 1909 года — еще и премьер-министр; как председатель сенатского комитета по внутренним и внешним делам был инициатором форсированного вооружения страны. Летом 1914 года — министр внутренних дел; в 1917 году — премьер-министр и военный министр; один из авторов Трианонского мирного договора. В 1920 году боролся за пост президента Франции, но потерпел поражение. Оскорбленный, отказался от всех государственных постов и жил, до кончины в 1929 г., удалившись от дел. Сын Клемансо взял в жены венгерку, Иду Михнаи, но брак их был неудачным. Сын покончил с собой.

Теодор Герцль — писатель, журналист, основатель идеологии сионизма, мечтавший о создании государства Израиль. Родился 2 мая 1860 года в Будапеште. Главные произведения: “Еврейское государство” (1896) и утопический роман “Старая новая земля”. Обе книги увидели свет после его смерти, во второй половине первого десятилетия XX века. Умер Герцль в 1904 году. Распутин в пьесе об этом, по-видимому, не знает, так как говорит о нем как о живом.

Лорд Китченер, Горацио Герберт — английский генерал и политический деятель. Руководил подавлением восстания махдистов в Египте, был генерал-губернатором Судана. Во второй англо-бурской войне в Южной Африке был начальником штаба, затем главнокомандующим британскими вооруженными силами. После этого — главнокомандующим британскими войсками в Индии. В начале Первой мировой войны — генерал армии, военный министр, организатор сухопутных британских вооруженных сил. Погиб на подорвавшемся на немецкой мине крейсере “Хэмпшир” 5 июня 1916 года, близ Оркнейских островов.